

Немирович-Данченко Василий Иванович

Великая река

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Великая река / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. –
160 с.

ISBN 978-5-519-99058-5

ISBN 978-5-519-99058-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

только дамы, въ какихъ-то невиданныхъ костюмахъ, гдѣ и перья, и ленты, и бахромки, и птички на головѣ, и цвѣты, и цѣлые огороды какіе-то! Чиновники — столичнаго пошиба, съ безкорыстіемъ во взорахъ. Только рядомъ съ этими Юпитерами нижегородскими, мелькнетъ порою прежній форменный типъ, въ потертомъ вицъ-мундирѣ и широкихъ, какъ паруса, шароварахъ, но и тотъ уже выглядываетъ какъ-то сконфуженно, стороною пробирается, точно самому ему совѣстно, что онъ еще существуетъ здѣсь, и тщетно подбираетъ онъ въ себя не въ мѣру выпятившійся животъ — прямое доказательство, что петербургскія чиновничьи лабораторіи достаточно напустили уже сюда разныхъ администраторовъ и судей самаго послѣдняго покроя. Тщательно выбритые подбородки и бакенбарды котлетками вытѣсняють прежнюю щетину, и вмѣсто старыхъ раскормленныхъ и добродушныхъ дворянъ въ каждой канцеляріи уже завелись годныя на всякую травлю гончія.

II.

Съ откоса. Заволожскія дали.

— Что у васъ тутъ стоитъ посмотрѣть?

— Господа больше на откосъ ѣздятъ! — предложилъ мнѣ извозчикъ.

Поѣхалъ и я. Еще подъѣзжая къ откосу, чувствуешь въ воздухѣ что-то свѣжее, рѣкою пахнетъ. Городъ отодвигается назадъ — впереди зеленѣютъ деревья Александровскаго сада... За ними пока еще смутно мелькають какія-то заманчивыя дали.

Откосъ — это крутой берегъ Волги, весь покрытый деревьями хорошо разбитаго сада. Между ними прорыты дорожки сверху до низу, гдѣ аллеи уже сплетаются въ густые своды, и гдѣ всегда царитъ прохлада и тѣнь...

Едва-ли какой-нибудь другой русскій городъ можетъ похвалиться такою широкою панорамой, такими необы-

чайно красивыми видами, какъ Нижній. По крайней мѣрѣ, я просто замеръ, остановясь на краю откоса...

Передо мною на громадное разстояніе неожиданно развернулась даль противоположнаго берега Волги... Воды ея только что вошли въ берега; и вся эта зеленая, мягкая понизь сверкала черточками, щитами и излучинами еще оставшихся на ней разливовъ. Подъ блескомъ заката, края этихъ щитовъ золотились и тамъ, гдѣ самой понизи уже видно не было, гдѣ вся она сливалась въ одну непроглядную синеву... Ближе сюда, на зеленомъ просторѣ, громадное село Боръ, съ бѣлыми силуэтами своихъ многочисленныхъ церквей, опущенное нѣжными волнами только что распустившихся садовъ. За ними смутно мерещутся другія села, плохо различаемыя; то мелькнутъ они, то опять уходятъ изъ-подъ взгляда... На самомъ западѣ ярко золотящійся просторъ Волги не отличался отъ золотого заката... Словно онъ и на землѣ, и на небѣ горитъ, охватывая окрестности своими розовыми тонами. Зато внизу, ближе, сама Волга стелется спокойная, величавая, зеркальная... Только изрѣдка пробѣжитъ по ней вѣтеръ, оставивъ за собою нѣсколько пятенъ красивой ряби... Да серебряною нитью ложится пѣна за быстро бѣгущими внизъ пароходами... И сами-то они отсюда, сверху, такими маленькими кажутся, микроскопическими. Щепка, муха какая-то, только на этой мухѣ отличишь и трубы, и мачты, и еще болѣе мелкихъ насѣкомыхъ—людей, копошащихся на ея палубѣ. Длинные ряды баржъ идутъ за пароходами, мачты ихъ гордо распустили по вѣтру свои флаги... И вдали, на остающихся еще слѣдахъ волжскаго разлива по понизямъ, глазъ различаетъ мелкіе челноки... Гдѣ-то далеко, далеко, смѣлый, крупный парусъ судна полощется, словно бѣлое крыло... Вотъ другой, весь пронизанный розовымъ блескомъ заката... Не алый цвѣтокъ-ли вспыхнулъ это на голубомъ просторѣ Волги?... Въ первое время не знаешь, куда смотрѣть, на чемъ остановиться. Жаль оторваться на минуту отъ этихъ синѣющихъ далей, хочется разглядѣть и прямо вблизи

подъ собою маленькіе пароходы, мотшаны и бѣляны, причалившіе къ берегу... Пестрыя каютки на нихъ, челноки, качающіеся за ними, толпа экипажа на палубѣ... Вотъ какое-то неуклюжее судно. Стоитъ, кажется—а за нимъ слѣдъ мерещится, значитъ, идетъ оно, дразня весь этотъ просторъ гулками порекатами пѣсни... И пѣсня-то, не прислушаешься къ ней—то тутъ вотъ у самаго уха ширится и ныряетъ въ воздухъ, то уйдетъ куда-то, точно вѣтромъ ее унеситъ въ сторону... А тутъ еще назойливые свистки пароходовъ врываются въ эти замирающія нотки... И опять взглядъ разсѣянно бродитъ въ синихъ дальхъ, точно хочется ему различить тамъ заволжскіе лѣса, повитые, словно туманомъ, силится прослѣдить зигзагъ какого-то разлива и, не разсмотрѣвъ ничего, опять тонетъ въ цѣломъ морѣ точно дымящагося золота заката, уже затопившаго всю западную часть этой понизи, тогда какъ на востокъ свертывается и расползается все шире и шире синеватая мгла приволжской ночи!.. Вступъ Оки въ Волгу едва едва замѣтенъ отсюда... И чѣмъ ярче закатъ—тѣмъ живѣе краски берега. Подъ солнцемъ все золотится, и пароходы, и лодки, и даже труба какого-то завода, и бѣляна, плывущая внизъ, точно вся выкована изъ золота... Вотъ прямо напротивъ какое-то грузное большое судно стоитъ между закатомъ и глазомъ. Все оно черное такъ и вырѣзалось на этомъ огнистомъ фонѣ. Видѣнь только силуэтъ его, рѣзкій, со всѣми деталями контуровъ. Зато въ серединѣ на немъ ничего. Точно оно вырѣзано изъ черной бумаги... А тутъ, въ зеленой вершинѣ липы, распѣлись птицы и назойливо звенятъ онѣ и свищутъ... Какой-то щегленокъ по мальчишечьи разорался въ чащѣ.

Ночь все близится и близится!.. Внизу, въ густыхъ аллеяхъ сада, свертывается сѣрая мгла, изъ которой, словно живыя, выступаютъ розовыя вершины деревьевъ. По равнинѣ, вдаль, точно звѣзда, сверкаетъ порою окно какого-нибудь дома, то, словно золотая коса, вырѣжется песчаная желтая ложбина... Чѣмъ ниже солнце—тѣмъ

лиловѣе даль, а когда оно сѣло въ низую кайму едва прорѣзавшихся надъ горизонтомъ тучекъ, вся эта понизь легла какимъ-то бархатистымъ лиловымъ просторомъ... Еще рѣзче на немъ горятъ огнистыя каймы озеръ... Точно кто-то раздуваетъ угольки вдаль—блещутъ небольшіе зимники... Село Боръ все ушло въ синеву ночи, и только церкви его, бѣлыя и стройныя, едва мерещутся за Волгою...

Пахнетъ рѣкою и всеннею зеленью. Свѣжо какъ! Эту ширь не только видишь—ее чувствуешь. Закрой глаза—по запаху воды и луговыхъ цвѣтовъ, по спокойному шелесту вѣтра, и Богъ знаетъ почему еще, узнаешь этотъ просторъ. Мнѣ кажется, здѣсь его и слѣпой угадаетъ!..

Въ Александровскомъ саду, нѣсколько пониже откоса—кафе-ресторанъ, съ музыкою. Я сошелъ туда—и самъ не радъ былъ. Три или четыре еврея визжатъ на скрипкахъ, терзая уши грязнымъ половымъ и двумъ налившимся пивомъ коммерсантамъ. Мотивы изъ «Прекрасной Елены», «Зеленаго острова» перепутывались съ какими-то «чижиками». Скрипки тянули въ разбродъ, точно каждый игралъ отдѣльно, не слушая другихъ. Особенно комична была фигура толстаго еврея, буквально рѣзавшаго скрипку смычкомъ, закрывъ глаза и точно наслаждаясь безчеловѣчiemъ звуковъ, извлекаемыхъ имъ изъ своего музыкальнаго инструмента. Другой попиливалъ небрежно, меланхолически поглядывая въ окна, точно звуки сами по себѣ, а онъ самъ по себѣ. Третій игралъ, разговаривая съ пріятелемъ и въ патетическихъ мѣстахъ подталкивая его ручкою скрипки. На площадкѣ передъ кафе гуляющіе пили чай. Прислушался—и еще скучнѣе стало.

— Ну, какъ дѣла съ саломъ будутъ?..

— Плохи вѣрно!

— Желѣзо ужъ въ доставкѣ!

— Да, по Камѣ не мало привалило...

— Сказываютъ, Черешневъ очки втеръ кредиторамъ!

— По пятиалтынному за рубль...

И вездѣ этотъ разговоръ. За столомъ табльдота, въ гостиницѣ, въ саду, въ залѣ клуба, на улицахъ, на

бульварахъ, куда не сунешься въ Нижнемъ—вездѣ «рубль и рубль». Мысль не выходитъ изъ этихъ предѣловъ. Царство мѣднаго гроша властвуетъ здѣсь невозбранно. Городъ живетъ отъ ярмарки до ярмарки. Интересовъ никакихъ, кромѣ коммерческихъ; дѣятельности иной тоже нѣтъ. Среди этой чудной панорамы синихъ далей и зеленыхъ понижей, на берегахъ этой красавицы рѣки, обидно становится за поэтическое чувство человѣка, придавленное, задушенное вѣчною неотступною мыслью о наживѣ. Досадно и больно за это рабское подчиненіе ржавому пятку. Вотъ сидятъ двѣ дѣвушки: разгорѣвшіяся личики, живой разговоръ. Думаешь, хоть на нихъ обаятельно дѣйствуетъ этотъ вечеръ, хоть онѣ чувствуютъ красоту и прелесть окружающей ихъ природы.

— И съ чего это она пошла за него?

— Какъ не пойти, у него свой пароходъ по Волгѣ бѣгаетъ; теперь онъ лѣсомъ торговать сталъ!

Тьфу, ты пропасть!

III.

Муравьевская дылда и виды съ гребешка.

Обратитесь къ любому нижегородцу и попросите указать достопримѣчательности города; прежде всего, онъ посоветуетъ осмотрѣть Муравьевскую башню, выстроенную на одномъ изъ самыхъ высокихъ пунктовъ берега надъ Окою. Ее видно издали, когда вы еще приближаетесь къ городу. Цѣлью сооруженія было указаніе ярмаркѣ времени, для чего на башнѣ устроены часы. Съ перваго же года непрактичность постройки, обошедшейся городу въ 30,000 р., обнаружилась вполнѣ. Часы были видны неясно и притомъ немилосердно ввали, показывая на одной сторонѣ половину второго, а на другой—семь. Теперь они не дѣйствуютъ, и башня вовсе брошена, получивъ названіе дылды.

— Вы только смотрите, не лѣзьте на нее! — предупреждали меня.

— Отчего?

— Говорятъ, скоро обрушиться должна. Ужъ трещину внутри дала большую!

— А какъ же вы живете здѣсь?—указалъ я на избышки, лѣпившіяся вокругъ «дылды».

— А это ужъ вы спросите вонъ у того «туземца»!

На завалинѣ сидѣлъ, глядя на башню подслѣповатыми глазами, сѣдой, какъ лунь, старикъ. Спросили у него.

— Эхъ, вы, отъ Бога-то убѣжать хотите!—прошамкалъ онъ.—Какъ мы живемъ? Такъ и живемъ здѣсь. Пошлетъ копчину, ну и примемъ. Сказано, безъ воли Его ни единого волоса, а вы отъ Господа своего уйти вознамѣрились... Обрушится!.. Ну, а какъ Богъ-то тебя лихою болѣзнию свернетъ?!. Тогда что? Онъ, братъ, тебя найдетъ. Какой ни будь иностасный господишъ, а онъ тебя выищеть!.. А ты думалъ убѣчь отъ него!.. Хха!.. Пѣтъ, я посмотрю, какъ ты уйдешь отъ него!.. Онъ, братъ, тебя...

— Ну, а правда, что башня трещину дала?

— А дала!—спокойно вскинулъ онъ глазами на дылду.

— И упадетъ?

— Отчего же ей не упасть, упадетъ!..—Старикъ, по-видимому, гордился такою достопримѣчательностью.—Попустить Богъ — и упадетъ, а не попуститъ — можетъ и долго простоять. Она съ трещиною... Енералы смотрѣть ее ѣздятъ. Сказываютъ, одинъ аглецкій енераль пріѣзжалъ, молебень служилъ.

— Зачѣмъ же молебень?

— А отчего-жъ ему не сослужить?!. Съ водосвятиемъ... У него вѣдь своей вѣры пѣтъ... Ну, онъ нашему Богу и молится!

Отсюда прелестный видъ на Оку и Волгу. Стрѣлка, т. е. полуостровъ, отдѣляющій Оку отъ Волги, такъ и рисуется вся, съ ярмарочными зданіями, съ громадною массою еще недостроеннаго собора, совершенно закрывающаго своимъ колоссальнымъ силуэтомъ теченіе Волги и нимъ. Эта правильная глыба кирпича точно давить

прямые линии ярмарочного гостиного двора, сибирскую пристань и дома, кажущіеся, сравнительно съ соборомъ, толпою карликовъ, суетящихся у ногъ великана. За соборомъ и стрѣлкою опять заволжскія дали, еще очаровательнѣе, если это только возможно. Загибы громадной рѣки далеко видны среди яркой зелени низовыхъ луговъ и съ громадными слободами, селами, деревнями и поселками, ярко выступающими подъ блескомъ полуденнаго солнца. Еще дальше за ними—синяя полоса лѣса и на лѣво легкіе, едва намѣченные контуры горнаго берега Оки, настолько смутные, что они кажутся только нѣсколько сгустившимся туманомъ. Такъ и тянетъ туда, такъ и хочется уйти въ эти тихія пустыни. Вѣтеръ гонитъ волны по Окѣ, на мелководьяхъ до песка взрываетъ рѣку, и бѣлыя мутины пятнами раскидываются по сторонамъ. Между Волгою и Окою слободъ и деревень точно насыпано, такъ ихъ много,—и все онѣ, какъ на ладони. Приволье!.. Все точно рвется изъ предѣловъ и безъ того громаднаго простора. Спокойная, величавая красота этихъ понизей впервые дала намъ почувствовать все обаяніе великорусской равнины. До сихъ поръ глазъ, привыкшій еще къ суровымъ картинамъ дикаго сѣвера или къ грандіознымъ очеркамъ южныхъ городовъ, разсѣянно слѣдилъ за этими однообразными гладями, и только здѣсь онѣ явились во всеоружіи, затмѣвая и угрюмое однообразіе пустынныхъ береговъ Ледовитаго океана, и неожиданные эффекты кавказскаго пейзажа... При нѣкоторомъ усиліи взглядъ различалъ за переднею грядою берега Оки—другую гряду, другіе холмы, точно тамъ небо нѣсколько гуще синѣло... Между ними будто пыль стояла—вершины уже невидимаго лѣса... Пыль стоитъ или дымъ вурится—такимъ всегда кажется далекій лѣсъ между двумя вершинами: одной ближе къ зрителю, другой, вышей, дальше отъ него...

Прямо надо мною солнце ярко освѣщало площадку Благовѣщенскаго монастыря. На самомъ ослѣпительномъ пятнѣ его, у стѣны обители—каменное крылечко, свер-

кающая изумруднымъ блескомъ раина густолиственного клена, на крылечкѣ сидитъ монахъ, точно онъ замеръ тутъ... Видно только, какъ онъ жмурится на солнце— должно быть, и его пронимаетъ оно жаркими лучами. Лучи сыплются и на могилы, близъ монастырскаго собора, и на его колокольню... Рядомъ со мною быкъ мирно жуетъ траву, ворона съ вершины башни каркаетъ на весь этотъ просторъ... А вблизи, въ садикѣ обители, мелкая пташка такъ и заливается, такъ и брызжетъ и прыщетъ дробными трелями своей звонкой пѣспи... Чувствуешь, что нѣтъ конца этой красотѣ, нѣтъ предѣла этому приволью...

IV.

Листки изъ прошлаго.—Караулъ, грабятъ.—Скворецъ и дятель.—Городъ каменный, люди желѣзные.

Монастырь этотъ напоминаетъ далеко время нижегородской старины.

Пользуясь прекраснымъ трудомъ г. Гаписскаго и др., заглянемъ въ эти давно позабытыя были. Всю исторію своего города г. Гаписскій выражаетъ однимъ девизомъ: «Караулъ—грабятъ!» Дѣйствительно, то русскіе грабили здѣсь мордву, то мордва грабила русскихъ, потомъ тѣхъ и другихъ стала грабить татарва, на мѣсто которой явилась понизовая вольница. Только очень недавно Нижній зажилъ спокойною жизнью. Во времена стародавнія—тутъ была пустыня. На мѣстѣ Нижняго жилъ Скворецъ, другъ и помощникъ Соловья - разбойника; восемнадцать женъ родили Скворцу семьдесятъ сыновей. Пасли они безчисленные стада свои на горѣ, а потомъ ихъ гоняли на Оку. По сосѣдству жилъ чародѣй Дятель. «Что будетъ съ моими дѣтьми?» спрашиваетъ его Скворецъ. — Коли будутъ жить согласно—станутъ владѣть всею округою, разсорятся — придутъ русскіе, поставятъ на устьѣ Оки градъ камень и крѣпокъ зѣло-зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія. — Умеръ Скворецъ, пошли дѣти его одинъ

на другого. Распрею ихъ воспользовался Андрей Боголюбскій и захватилъ побережье, а племянникъ его, Юрій, построилъ здѣсь городъ. Въ дѣйствительности, русскіе отняли эту землю у мордвы, которая не разъ пробовала возратить себѣ потерянную землю, но была побиваема русскими.

По глубокому оврагу, черезъ Нижній, протекаетъ рѣченка Почайна. Она, внослѣдствіи, должна будетъ поглотить весь Нижній. Въ ея верховьи лежитъ большой камень. Нѣкогда на немъ были невѣдомыя письма—теперь ничего не осталось. Когда придетъ пора погибнуть городу, камень этотъ сдвинется съ мѣста, изъ-подъ него хлынетъ вода и затопитъ Нижній. А всему виною непочтительность нижегородскихъ бабъ. По крайней мѣрѣ, легенда сваливаетъ на нихъ. Жплъ, видите ли, въ Муромѣ старецъ Макарій, и сталъ ему являться бѣсъ въ образѣ женщины. Смутились монахи и прогнали отъ себя Макарія. Старецъ сѣлъ на большой камень и поплылъ на немъ вдоль по рѣкѣ. Долго ли, скоро ли, а пришлось ему доплыть до Нижняго. Усталъ старецъ, отдохнуть ему захотѣлось, да не понравился онъ бабамъ, стиравшимъ бѣлье у устья Почайны. Эти безцеремонныя амазонки прогнали его руганью да вальками.

— Будь же ты проклятъ, — обратясь къ Нижнему, сказалъ Макарій, — пусть эта рѣчка въ свѣтопредставленіе большою станетъ и поглотитъ тебя!..

Полагаю, еслибъ старецъ Макарій оказался помоложе и покрасивѣе, бабы были бы къ нему ласковѣе, и Нижнему не грозила бы столь печальная участь.

Нижегородцы, впрочемъ, издавна были стяжателями, съ первыхъ страницъ своей исторіи обѣщая въ будущемъ выработать коммерческихъ людей, строго дѣйствующихъ по нашему старорусскому торговому принципу — копѣечка рубль бережетъ. По скитскому преданію, въ то время, когда на русской землѣ татарва царилъ, шелъ въ орду святитель Алексѣй, митрополитъ московскій «ради народнаго умиленія». Проходилъ онъ не во славу, а смирен-

нымъ странникомъ. Видя, что съ такого бѣдняка взять нечего, перевозчики не захотѣли переправить его черезъ рѣку у Нижняго. Невидимо мірскимъ очамъ чудотворецъ переплылъ Оку на своей маптїи. На берегу въ это время мыли бѣлье тѣ же неизбѣжныя бабы, призванныя, кажется, со временъ Адама обрушивать на родъ человѣческій всевозможныя бѣдствія. Попросилъ у нихъ святой мужъ милостыню, онѣ его вальками избили до крови. Хотя и случилось тутъ чудо, грянулъ громъ съ небеси, молніи источила родникъ изъ горы, но «свѣта мужа все-таки не признали» и согнали его съ песточника «не честию». Искать святителя почлега, ходилъ отъ дома къ дому — нигдѣ бѣдняка не приняли, и возмущенъ св. Алексѣй и «воззрѣвъ на каменныя стѣны кремлевскія», заклиалъ:

— Городъ каменный, люди желѣзные!

По другимъ свѣдѣніямъ, когда исполнится мѣра беззаконій, Нижній долженъ провалиться. Объ этомъ рассказываютъ сотни легендъ. Видно здѣсь, дѣйствительно, не мало беззаконія всякаго, если такъ чутки старожилы къ вѣстямъ о гибели своего гнѣзда. Преданія эти поддерживаются частыми горными обвалами, случающимися здѣсь по веснамъ. Обвалы называются оползнями. Такимъ оползнемъ въ 1597 году, напр., былъ разрушенъ до основанія Печерскій монастырь.

Городъ, избившій вальками старца Макарія и отказавшій въ милостынѣ св. Алексѣю, и впослѣдствіи во всемъ, что только выходило изъ предѣловъ царства мѣднаго гроша, оказывался образцовымъ варваромъ, если исключить Минина, который все-таки не былъ нижегородцемъ, а выходилъ родомъ изъ Новгорода - Великаго. Въ Нижнемъ, напр., родился и жилъ гениальный Кулибинъ, скончавшійся здѣсь же «всеми забытый» и терпя притомъ нужду безысходную. Онъ завѣщалъ мѣстному обществу изобрѣтенное имъ волжское самоходное судно — чудо своего времени. Сограждане, не спуская судна на воду, употребили его... на отопленіе городской думы! Желѣзные люди каменнаго города въ то время, видно, были очень крѣпкими